

ПОЖАРЫ 2010 г. В РОССИИ: ЭКОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О. Н. ЯНИЦКИЙ

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН (E-mail: yanitsky@isras.ru).

Аннотация. Пожары лета 2010 г. в европейской части России рассматриваются как междисциплинарная проблема и одновременно как тест на способность общества консолидировать усилия его различных акторов для преодоления катастрофической ситуации. Применяя аппарат теории общества риска, сетевого анализа, и используя контент-анализ Интернет-ресурсов и метод наблюдения, исследуются институциональные и другие социальные причины данной экокатастрофы, основные фазы развития критической ситуации, мобилизация ресурсов и расстановка сил и перспективы смягчения и/или ликвидации ее последствий и последующей реабилитации населения и природных систем.

Ключевые слова: экосоциология * гражданское общество * мобилизация * реабилитация * ресурсы * риски * сети * экокатастрофа

Лесные пожары, охватившие летом 2010 г. значительную часть европейской России, рассматриваются нами как системное явление, требующее междисциплинарного и межсекторального (межведомственного) анализа. Пожары такого масштаба случались и раньше, однако вопрос заключается в том, способно ли "новое" российское общество с его вертикальной системой власти, рыночными институтами, культом индивидуализма и потребительскими ориентациями противостоять социотехнобиокатастрофам (далее, экокатастрофам) такого масштаба. Пожары были одновременно результатом природных (длительное отсутствие дождей, аномально высокие средние температуры), экономических (введение рыночных механизмов в лесное хозяйство и передача функций управления им на региональный уровень), демографических (депопуляция малых городов и сельских населенных мест в зоне поражения) и управленческих (ликвидация института лесничества и лесной охраны, отсутствие пожарной техники и т.д.) причин. Фактически, эти пожары были тестом на способность "нового" общества, его рыночных институтов и властной вертикали консолидировать свои усилия для преодоления катастрофической ситуации и реабилитации нарушенных экосистем и человеческих сообществ.

Были выдвинуты следующие гипотезы: (1) так как российская политическая система чрезвычайно инерционна, она, включая ее институты и управленческий аппарат, в ходе ликвидации последствий экокатастрофы будет действовать в привычном для нее ключе вертикального ручного управления (привычный слоган "закрыть вопрос"); (2) гражданское общество, как его организации, так и отдельные люди, будут практиковать сетевую адресную мобилизацию людских и иных ресурсов для решения той же задачи с опорой на информационные технологии и знания местного населения

(local knowledge). Иными словами, катастрофа будет толчком к гражданской консолидации общества в национальном и глобальном масштабах; (3) в ходе тушения пожаров государственные и гражданские организации будут взаимодействовать, однако после ликвидации острой фазы катастрофы и начала процесса реабилитации экосистем стратегия и тактики этих организаций будут все более различаться.

Теоретические основы и метод. Теоретический подход основывается на теории общества риска (Beck, 1992, 1995, 1999, 2010), акцентируются критические моменты трансформационных процессов (Castells, 1999, 2000; Yanitsky, 2000; Murphy, 2010), в особенности обремененных техногенными авариями и катастрофами, затрагивающими не только персонал конкретного предприятия, но и население, и окружающую среду (Keen, 2008). В рамках рискологического подхода я опирался также на свои собственные исследования "критического случая", когда местное население лишено ресурсов воспроизводства и социальной защиты и может опираться только на помощь извне (Яницкий, 2003, с. 145 - 161). Для анализируемого нами случая особенно ценны исследования реакции местных властей на внезапные природные катаклизмы (Murphy, 2010), показывающие, что властные структуры видят экокатастрофу и, соответственно, действуют по-разному. В более общем виде различие теоретических подходов "сверху" (от государства и его институтов) и "снизу" (от местных сообществ) и выделение локального знания как амальгамы опыта местных жителей, их верований, интерпретации действий центральных властей и своего отношения к ним представлено работами А. Ирвина и Б. Вынна (Irwin, 2001; Irwin and Wynne, 1996). Как отмечает Ирвин, локальное знание ценно потому, что оно является результатом диалога как между самими жителями, так и между ними и государственными и региональными структурами власти (Irwin, 2001, p. 74).

Подход "снизу" логически корреспондирует принцип социологии социального знания: "Следуй за актором" (follow the actor). Методически я интерпретирую эти подходы как необходимость попеременного функционирования социолога как инсайдера и аутсайдера, соответственно применяя различный исследовательский инструментарий. Поскольку пожары вызвали мобилизацию человеческих и материальных ресурсов, я опирался на классические концепции их мобилизации (Zald and McCarthy, 1987), концепции мобилизации человеческих ресурсов и возникновения соответствующих сетевых структур (Diani, 2003; Diani and McAdam, 2003; Dian and Delia Porta, 2006). Здесь же пригодились теоретические подходы авторов, анализирующих сети формирующегося глобального гражданского общества (см., например, Kaldor et al., 2003). В части форм мобилизации материальных ресурсов и их метаболизма проведенное исследование опиралось на работы по социально-экологическому метаболизму Ст. Бойдена, М. Фишер-Ковальски и их коллег (Boyden et al., 1981; Fisher-Kowalski and Haberl, 2007). Как мне представляется, это направление является чрезвычайно эвристичным для исследования социобиотехнических систем. Наконец, я опирался на свои собственные исследования и разработки, выделяя властные структуры разного уровня, бизнес, научные и неправительственные организации и местное население как главных участников экокатастрофы (Yanitsky, 1999), а также на выявленные мною типичные фазы развития социально-экологического конфликта, каковым данная катастрофа и является (Яницкий, 2002, с. 236 - 244).

Эмпирическими ресурсами исследования были: результаты изучения случая (пожаров вокруг ряда деревень (и в них самих) и поселка городского типа на юге Московской области); 10 глубинных интервью с активистами экоНПО, специалистами охраны леса и местными жителями двух населенных пунктов, пострадавших от пожара; федеральные и региональные Интернет-ресурсы; Интернет-ресурсы международных и российских информационных агентств и 20-ти крупнейших российских экоНПО, а также сайты отдельных активистов или инициативных групп (см., например: www.euro.who; Lenta.ru; www.wwf.ru и др.)^{*}.

^{*} Автор благодарит СИ. Давыдову и О. А. Усачеву, сотрудниц сектора социально-экологических исследований Института социологии РАН за помощь в сборе материала.

Институциональные и социальные предпосылки катастрофы. Нынешние пожары - не случай, а тенденция: число пожаров и площадь, пройденная огнем, за последние три года постоянно растут. Площадь леса, охваченная пожаром, за последние 15 лет выросла вдвое по данным государственной статистики, и втрое - по данным дистанционного мониторинга. По разным подсчетам, в 2010 г. лесоторфяными пожарами было охвачено от 1,5 до 9 - 10 млн. га. (Заклучение..., 2010, с. 2 - 3).

Происходит деэкологизация государственной политики и уничтожение в ходе становления рынка соответствующих институтов. Принятие новых Лесного и Градостроительного кодексов и ликвидация Госкомитета по экологии и охране среды, природоохранных служб, государственной экологической экспертизы в итоге превратили леса и парки из национального богатства в предмет купли-продажи. Фактически в течение 2000-х гг. произошла почти полная деинституализация экологической политики и массового сознания. В школах исчезли уроки экологии, в вузах - они резко сократились, оставшись только в профильных вузах, социально-экологическая проблематика была исключена из перечня ВАКовских дисциплин. Природоохранные общественные организации и экологическое движение в целом всячески - экономически и политически - третируются, объявлялись "агентами влияния" враждебных системе сил.

Но главное - это лишение муниципальных властей прав и ресурсов для самостоятельного решения местных проблем. Весь мир живет на основе той или иной формы местного самоуправления, кроме нас. Также власть предрержащие и её пиар-службы сделали всё, чтобы у нас до сих пор не было партии зелёных. Из СМИ исчезли аналитика и публичные дебаты по экологическим проблемам, осталось смакование катастроф, подобной нынешней. Культ потребления и быстрого успеха любой ценой несовместимы с экологической идеологией. Но и население не безвинно: поджог стерни - старинная русская традиция, плюс горы мусора в некогда чистых лесах, пикники с незатушенными кострищами и окурками и вообще - потребительское отношение к лесам как к источнику стройматериалов и даровых благ (грибов, ягод, рыбы, птицы). В результате получили то, что заслужили: лес, который в течение многих веков был защитником и кормильцем, сейчас стал потенциальным источником смертельной опасности. На языке экосоциологии, это называется эффектом многократного превышения несущей способности среды обитания. Все это происходило на фоне продолжающегося отчуждения власти и гражданского общества. Пожары заставили федеральные власти принять экстренные меры, но насколько катастрофа повлияет на изменение государственной политики - вопрос открытый. Для ее про-экологического поворота нужны не только ресурсы, но прежде всего идеология и программа, выработанная совместно с организациями гражданского общества.

От подготовки катастрофы к ликвидации ее последствий. В последние 10 лет практически все законодательные и иные решения власть предрержащих создавали условия для того, что случилось, о чем было сказано выше. Построение мною хроник множества социально-экологических конфликтов (как обязательной составляющей метода изучения случая) в стране показало, что, даже если такой конфликт не превращается в катастрофу, он проходит, как правило, следующие стадии: подготовительную фазу (невнимание к проблеме или оттяжка ее решения), фазу мобилизации противостоящих сил, собственно конфликтную и постконфликтную, которая может тянуться годами (Яницкий, 2002, с. 325 - 399). Последняя фаза может иметь волнообразный характер (затухание и вновь обострение) или же переходить в "замороженное" состояние. Ранее мною было также показано, что в 90% случаев разрушенная в результате конфликта или катастрофы экосистема восстанавливается дольше, чем формируется. Это стоит очень дорого и практически никогда не достигает прежнего уровня "экосистемности", то есть разнообразия и пригнанности ее разнородных элементов друг к другу, когда она, в конце концов, из "конструкции" превращается в саморегулируемую экосистему (Yanitsky, 1982). Необходимый для этого "социальный гумус" (Л. Абалкин) создается десятилетиями.

В нашем случае анализ постконфликтной фазы - я называю ее *фазой реабилитации* - имеет принципиальное значение, поскольку он будет, помимо важности этого рода социально-экологической деятельности как таковой, *индикатором модернизации* нарушенных экосистем, особенно их инфраструктурной составляющей и накопления или разрушения человеческого потенциала как местного сообщества, так и сообществ (реальных и виртуальных), возникших в ходе тушения пожаров и помощи пострадавшим. Фаза реабилитации имеет, по крайней мере, два этапа: "неотложную", когда пожар ликвидирован и погорельцам создаются минимально необходимые условия для жизни, и собственно реабилитационную, которая для восстановления отдельных компонентов экосистемы может тянуться от года до нескольких десятилетий. Сказанное не означает, что оптимальной задачей реабилитации некоторой экосистемы является достижение ею до-катастрофического состояния. Изучение траекторий реабилитации нарушенных и/или целиком уничтоженных экосистем важно, поскольку оно показывает реальный вектор модернизации страны, ее скорость и используемые ресурсы.

Стратегия и тактика. Главной причиной столь масштабной экокатастрофы было отсутствие стратегии тушения пожаров. Причина эта коренится в типе рыночных отношений, ориентированных на эксплуатацию возобновимых и невозобновимых природных ресурсов. Новый Лесной кодекс был написан с точки зрения *пользователя* лесом как ресурсом, но не с позиций охраны лесных экосистем. Лесоохрана как автономная государственная организация была ликвидирована, а ее функции (без надлежащего материального и законодательного обеспечения) были переданы в разные руки: лесопользователям (то есть частным арендаторам), региональным и местным властям, которые также видели в лесных угодьях, прежде всего, источник дохода, а не экосистему, требующую воспроизводства и защиты. Категория *профилактика* исчезла из лексикона лесопользователей. Создававшаяся десятилетиями культура охраны и воспроизводства лесного богатства страны как совокупность норм права и житейских норм была разрушена. Рынок отбросил людей, инфраструктуру лет на 20 назад, а природу - на 40 - 60, или уничтожил навсегда.

Профилактика как предупреждение пожара основана, прежде всего, на знании характера и скорости его распространения в данной категории лесов. Вот что говорит местный специалист: *"Лесная подстилка что из себя представляет? Это хвоя, сухая трава и когда она в высохшем состоянии находится, это все равно как порох. Вот спичку бросишь, и огонь поползет, в час где-то около 200 - 250 м, он проходит сначала потихоньку, а если ветер усиливается, то, естественно, все быстрее и быстрее... Потом наступает такой момент, когда огонь перескакивает снизу вверх по хвое, по сосновой, он перемещается очень быстро. Вот отсюда до сгоревшей деревни пожар долетел за 15 минут. И от верхового пожара практически спасения нету. Все эти самолеты, вертолеты - это так все, фикция чистой воды, толку от них никакого по большому счету нет". - А что местная администрация? - "Мы их призывали: давайте тушить, потому что поначалу тлел очень небольшой кусок леса, и мы могли потушить его своими силами. Но для этого надо было мобилизовать людей, технику пригнать из райцентра, надо было с людьми разговаривать, а они сидели и чего-то ждали и дождались того, что подул сильный ветер. Тогда уже нужна была срочная эвакуация населения - человек с лопатой против такого пожара сделать ничего не может. Во время пожара 1972 г. отношение было совершенно другое. Во-первых, сразу сюда бросили людей и технику, солдаты отсюда не вылезали, и лес весь остался цел, горели только торфяники. А сейчас практически сгорели торфяники, и лес, и деревня - все сгорело. Площадь огромная. Катастрофа экологическая, просто бедствие. Когда это все в норму придет, я не представляю".*

Если институт лесоохраны практически распущен, а его техника устарела или распродана, если люди на местах об этом не предупреждены или не знают вообще, то и никаких приготовлений к предсказанной учеными катастрофе быть не могло. Местные и федеральные начальники, зная о грозящей катастрофе, сказав населе-

нию, что "все под контролем", спокойно отбыли в отпуска. Когда пожары все же приняли массовый характер, в дело вступило МЧС, но как выяснилось позже, оно имело ограниченную задачу: не подпустить огонь к человеческим поселениям. Поскольку МЧС ставило своим подразделениям "локализованные" задачи, множество сельских поселений все же полностью или частично сгорело. Применение авиации в ряде случаев давало обратный эффект: вода, падая в раскаленную среду, превращаясь в пар, расширяла зону действия огня.

Тем более не было стратегии борьбы с пожарами и у местных властей, по причинам объективным (запущенность торфоразработок и других рукотворных систем, требующих профилактики, отсутствие техники и других ресурсов) и субъективным (отделение, отчуждение от местного населения, соблюдение лишь собственных интересов как пользователей). По мнению опрошенных местных жителей, реальное участие в тушении лесных пожаров принимали они сами, мобилизованные ими остатки пожарной техники и контингента лесной охраны и добровольные пожарные, как местные, так из других городов. Наиболее важной и результативной со всех точек зрения оказалась стратегия и тактика *сетевого взаимодействия*, к анализу которой мы и перейдем.

О роли Интернета и других виртуальных сетей. Следует выделить два вида таких сетей: (1) информационно-аналитические, где сведена воедино информация о масштабах и динамике лесных пожаров в России лета 2010 г. и их последствиях: социальных, экономических, экологических, и (2) on-line сети, где на специальных форумах (города или региона), в блогах и ЖЖ, а также с использованием мобильных телефонов, могли общаться в *режиме реального времени* все участники катастрофы, начиная от официальных лиц и лидеров экологического и других общественных движений и до местных общественников и просто жителей. Что конкретно дали эти сети? Прежде всего, в этот критический период люди в зоне пожаров не чувствовали себя брошенными *другими людьми*, хотя общий эмоциональный фон оставался негативным "Кому мы нужны?". Тем не менее, местные жители благодаря сетям не только получали благотворительную помощь "навалом", но и могли теперь просить (и получить вовремя, что чрезвычайно существенно в критической ситуации) что-то лично для себя, родных, близких, заболевших и т.д. Временами ситуация как бы переворачивалась: "сеть сама запрашивала" погорельцев: скажите, что вам еще нужно? К тому же пострадавшие узнавали - кто есть кто, тем самым узнавая персонально своих друзей и недругов. Так или иначе, сети способствовали восстановлению утраченных и формированию новых межличностных связей, что способствовало установлению доверия и контактов, на которые они, особенно пожилые и одинокие, могли бы опереться в будущем. Не парадокс ли: потребовалась катастрофа, чтобы люди, хотя и пострадали, но более не чувствовали себя одинокими и брошенными? Задача социолога выяснить, сколь прочными будут эти связи.

Более того, общение в сети дало пищу для размышлений на другие, не пожарные темы: *"русские здесь работают в более тяжелых условиях, чем гастеры в Москве"; "наше молодое поколение гниет"; "приезд "залетных" - чистая показуха"; "когда дома построят, будет ли верхнее начальство и дальше следить за местной властью?"*

Одновременно эти форумы и сайты работали как терапевтическое средство, информируя и успокаивая тех, кто из местных жителей живет или временно находился вне зоны поражения. Далее, заработал закон социального сравнения: местные смогли теперь сравнивать информацию, даваемую СМИ или в СМИ (местной властью) с тем, что происходило на самом деле. Люди в частности узнали, что ни в Украине, ни в Беларуси Лесную охрану не сокращали, поэтому там справились с летними пожарами; что было обещано правительством РФ и что местные жители получили реально и т.д. Так, например, местные власти изучаемого нами поселка сначала обещали сельским погорельцам переселение в районный центр, но потом им в этом было отказано.

Интернет, в особенности ЖЖ, часто называют "пустой болтовней". Но в ситуации катастрофы диалоги сразу приобрели деловой характер, болтуны и прорицатели безжалостно отсекались самими членами Интернет-общества. То есть наличие

поселкового сайта во многом предотвратило возникновение в поселке панических настроений. Кроме того, катастрофа инициировала профессиональные диалоги: люди стали обсуждать, кто, как и какими средствами будет возрождать лесное хозяйство России и т.д. А эта тематика заставила их обратиться к упомянутым выше аналитическим Интернет-ресурсам. Круг, таким образом, замкнулся. Наконец, катастрофа заставила многих, находящихся вне зоны поражения, мобилизовать не только финансовые ресурсы, но и собственные опыт и знания и тем самым вызвала у них чувство самоудовлетворения. Я не могу назвать их альтруистами, но что их участие в ликвидации пожаров и помощи пострадавшим подняло их планку самооценки -это несомненно.

Риск-солидарности. Ранее я квалифицировал эту категорию людей как общность потребителей рисков, производимых обществом, его производственными и другими техническими устройствами (Яницкий, 2004). Однако данная катастрофа значительно расширяет это понятие. Во-первых, к этой общности относятся вообще люди, равнодушные к человеческой беде. Такая солидарность есть форма эмпатии (empathy). Во-вторых, это специалисты, живущие вне зоны поражения, но готовые поделиться своим опытом и знаниями с пострадавшими. В-третьих, это посредники, коммуникаторы, которые способны соединить сочувствующих и оказывающих помощь с пострадавшими. Это очень важная категория людей, они тоже равнодушные, но они активисты, обеспечивающие сбор и доставку помощи по конкретным адресам. В-четвертых, это местные жители или их родственники, работающие или проживающие ныне в Москве и других больших городах. Наконец, в-пятых, это добровольцы и волонтеры, готовые выполнять любую работу. Здесь я особо выделил бы добровольных пожарных как наиболее востребованную и более всего пострадавшую категорию добровольных помощников. Значит, не все общество еще заражено вирусом индивидуализма и потребительства, а солидарность бывает не только профессиональная (профсоюзы), но и человеческая, без столь любимых социологами стратификационных и иных различий. Недаром У. Бек говорил о рождении космополитических риск-солидарностей, перед которыми стоит труднейшая задача: "откуда следует ждать помощи зеленому сообществу, если предлагаемые им идеи ударят по карману и серьезно нарушат привычный образ жизни миллионов людей во всем мире?" (Бек, 2010, р. 2). Поскольку я веду речь о помогающих и реципиентах этой помощи, чувство солидарности у них тесно связано с чувством справедливости. Если справедливость распределения государственной помощи им контролировать трудно, то распределение благотворительной помощи достаточно жестко контролируется местным сообществом, поскольку все друг друга знают. Что, кстати, в значительной мере освобождает социолога от трудоемкой проверки валидности полученных результатов исследования.

Реабилитация. По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) от экологических рисков в России ежегодно гибнут 493 тысячи человек (Экология и права человека, 2010, с. 1). Поэтому реабилитация жертв экокатастроф сегодня - одна из главных и наиболее сложных проблем. Кому и для чего она нужна? Как долго? Какие ресурсы для этого потребуются?

По данным Минздравсоцразвития в июле 2010 г. число смертей по России в годовом исчислении выросло на 8,6% (в январе-июне смертность сокращалась). В некоторых из охваченных пожарами и/или задымлениями регионах смертность в июле 2010 г. (по сравнению с июлем 2009 г.) выросла более значительно: в Москве - на 50,7%; Ивановской обл. - 18,3%; Московской и Тульской обл. - 17,3%; Республике Татарстан - 16,6%.

По данным Департамента здравоохранения Правительства Москвы, дополнительная ежедневная смертность от аномальновысокой температуры и задымления в Москве достигала 320 - 340 человек. Вызовы "скорой помощи" и число обращений к врачам увеличились на 20%. Общее число госпитализаций увеличилось на 10%, госпитализаций детей - на 17%. Основные поводы обращений - сердечно-сосудистые патологии, бронхиальная астма, гипертоническая болезнь, проблемы с лёгкими.

Экстраполируя выше приведенные данные смертности по Москве на все пострадавшие территории европейской части, можно предположить, что дополнительная смертность от сочетания аномально высокой температуры с задымлением в июле-августе могла составить 45 - 60 тыс. человек. (Заклучение..., 2010). Менее тяжкие последствия для здоровья в виде обострения старых заболеваний и возникновения новых коснутся миллионов жителей задымленных территорий и будут сказываться несколько месяцев. Главный терапевт страны академик А. Чучалин сообщил, что пожарная катастрофа будет сказываться на нашем здоровье еще полгода. Яблоков А. В. считает, что много дольше: "после аналогичной (правда, более протяженной) дымной катастрофы в Хабаровском крае в 1979 г. увеличение смертности в Комсомольске-на-Амуре статистически прослеживалось два года" (Яблоков, 2010, с. 2 - 5).

Так что реабилитация в той или иной мере потребуется всем, кто находился в зоне распространения смога в сочетании с аномально высокой температурой. Вряд ли у государства найдутся такие ресурсы. Как отмечают врачи, работающие на пожаре: *"Особенно пострадали пожарные, поскольку им приходилось многократно возвращаться к очагам и усилия психологов сводились на нет. Однако сейчас происходит массовое обострение хронических заболеваний, которых особенно много у пожилых. Молодые тоже страдают, лечение проходило сначала амбулаторно, некоторых до сих пор лечат стационарно. До полугода можно ожидать остаточные эффекты по заболеваниям, еще полгода на полную реабилитацию, в том числе психологическую. Полная реабилитация пострадавших в ходе пожаров может быть завершена минимум через год"*. Но это расчеты на момент окончания пожаров, потом картина может измениться.

Теперь - о лесах. Пожары затронули не менее 60 федеральных заповедников и национальных парков, в которых погибли реликтовые леса, другие эталонные экосистемы, нанесен урон популяциям редких видов растений и животных. Данных о времени и ресурсах, потребных для их реабилитации пока нет. Что касается самого сгоревшего леса, то мнения местных специалистов расходятся. Одни полагают, что не полностью сгоревший лес еще можно использовать как стройматериалы, или как минимум на дрова. Другие утверждают, что все равно, все перегнет и "жучки" не страшны. Это те же удобрения для леса. Так или иначе, новый лес расти будет долго, более того, сухой обгоревший лес гораздо более пожароопасен, чем живой.

Еще один риск связан с радиацией. По данным Рослесозащиты, с середины июня до начала августа зарегистрированы лесные пожары на 3900 га земель, загрязненных радионуклидами (Заклучение, 2010, с. 2). Данные о риске радиационного поражения вряд ли будут опубликованы, однако по опыту ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, для пораженного смогом населения потребуются периодические обследования и курсы профилактического лечения.

Реабилитация особо охраняемых природных территорий (ООПТ), к которым относятся национальные парки, заповедники и заказники, - не только сложная биологическая, но и острая социальная проблема. Потому что на эти лакомые территории претендуют бизнес и власть предрержащие всех уровней, претендуют и дачники, наносят этим островкам нетронутой природы вред и браконьерствующие местные жители, работники и техника компаний, прокладывающие и обслуживающие газовые и нефтяные магистрали и т.д. Социальная также потому, что в дирекциях ООПТ работают ученые и другой специализированный персонал. ООПТ - режимные территории, которым требуется соответствующее оборудование, охрана и мониторинг.

Эти специалисты уже сейчас предлагают свои планы профилактики. Вот как это видит местный профессионал-охотовед: *"когда шла кампания по осушению торфяных болот, были выкопаны канавы, по которым с этих <торфяных> полей сбрасывалась вода для их осушения. Канавы... были глубокие, около двух метров глубиной. Все эти поля изрезаны такой сетью канав. Это обязательно, на сто процентов."*

Сейчас торф уже перестали добывать, но все канавы остались, и они продолжают работать именно в этом направлении. У меня идея такая: взять и закопать эти ка-

навы, то есть сделать дамбы на наиболее толстых канавах, на основных магистралях, в которые сбрасывается до сих пор вода, и сделать это надо именно сейчас, до морозов, до снега. Что будет дальше? Дальше вся эта площадь покроется снегом. Зима придет неожиданно, как обычно... Может быть, зима будет снежная, может быть, нет, но в любом случае снег будет. Потом придет весна, снег будет таять. Если канавы сейчас не перекрыть, то вода оттуда успешно уйдет. Если канавы будут перекрыты в тех местах, где происходит сброс наибольшего количества воды, вода отсюда уходит прямо в Оку, это самая нижняя точка. Таких точек, я с охотниками, лесниками насчитал около восьми или десяти точек, которые надо закопать. Для этого необходимо два бульдозера, две недели работы - и все!"

Реабилитация - далеко не спокойный процесс. Уже начались конфликты: тем, чьи дома сгорели полностью, строят благоустроенное жилье, подводят все коммуникации. Тем, кто рядом с ними и только обгорел - почти ничего. А ведь это один поселок, одна деревня. Далее, в Интернете и на улице циркулирует мысль о поджогах. И этому есть основания, поскольку подобная практика распространена повсеместно. Даже здесь, на краю Московской области нужна земля под коттеджи и дачи. Поджог леса выгоден также тому, кто за копейки скупит обгоревший лес, а потом еще и наживется с обустройства и восстановления сгоревших участков леса. Некоторые полагают, что кто-то хочет свести весь поселок, поскольку он все эти годы деградировал, где за прошедшие 20 лет уже уничтожена почти вся социальная инфраструктура, а потом освободившиеся земли продать. Придя чуть-чуть в себя, люди стали задаваться вопросом: куда делись не только пожарная часть, но элементарные средства экстренного оповещения населения? Могли бы раньше задуматься и сами. Не менее сложная для них проблема: как распорядиться выделенными погорельцам деньгами, которых, как уже сегодня выясняется, не хватит, учитывая инфляцию, взвинчивание цен местными дельцами и, конечно, привычные для многих ритуалы (обмывать каждую постройку, покупку и т.д.). И - самое главное. Как дома новые и старые, сохранившийся лес и новые лесопосадки, оставшиеся и уехавшие, продавшие свои дома или участки дачникам, как все это "срастется", снова превратится в экосистему? Ведь нужен какой-то план, жизнь практически организуется заново. Как и в других случаях пожаров, наводнений и т.д., начальство, получив инструкции сверху; не желает прислушиваться к голосу местных специалистов, рассматривать их проекты реабилитации. Нет у местных активистов для этого собственной публичной площадки. Так что же: была экосистема, а теперь будет "конструкт", который будет постоянно требовать ресурсов на свое поддержание и профилактику?

Шанс на эко-поворот? Пожары при всем их масштабе вряд ли кардинально изменят политику государства. Пока что есть один реальный результат: теперь лесное ведомство напрямую подчинено правительству РФ. Но посмотрим на ситуацию шире: помимо лесных и степных пожаров, которые случились и в азиатской части РФ, есть еще ряд крупных болевых точек: Байкал, Утриш, Химкинский лес и вообще лесной пояс Подмосковья. Вся карта страны испещрена точками экологических протестов. Крупнейшие экологические организации России (Гринпис, Всемирный фонд защиты дикой природы, Социально-экологический союз, Центр биологического разнообразия, Движение "За Байкал" и ряд других) планируют проведение публичных акций в защиту отечественной природы и экологических прав ее граждан под общим лозунгом "За Байкал, за Утриш, за Химкинский лес! - За нашу родную природу!". В акциях ожидается участие других общественных организаций и движений, а также политических оппозиционных партий.

Я не верю в возможность быстрой экомодернизации страны, это был бы слишком крутой поворот. Но ситуация для движения в этом направлении сейчас относительно благоприятная. Не надо забывать о том, что экономия и эффективное использование природных ресурсов включены в политическую повестку дня Европейского Союза и США (экономия, энергетика, экология - ее приоритеты). Так что давление будет и с той стороны. Намечающаяся консолидация российского экологиче-

ского движения нуждается в ресурсах, важнейшим из которых является развитие "умных" сетей *глобального гражданского общества*. Включение российских инициативных групп, общественных организаций и НПО в процесс формирования этого общества - магистральный путь их сохранения и укрепления как социальной и политической силы, наращивания интеллектуального потенциала этих ячеек и сетевого ресурса гражданского общества в целом. Это также путь реальной экономической и политической модернизации нашего общества и создания их необходимой теоретической и практической предпосылки - сдвига центра тяжести всякой природоохранной деятельности от управления к регулированию и саморегулированию (from government to governance) на основе диалога и консенсуса власти и гражданского общества.

Наконец, почему нынешняя пост-катастрофическая ситуация так важна для социологического осмысления? Потому что на малых локальных объектах можно изучать социально-экологический метаболизм периода восстановления нарушенной экосистемы. То есть процессы трансформации поступающих сюда для реабилитации ресурсов всех видов: финансовых, материальных, человеческих. Ведь можно свалить гуманитарную помощь на помойку, как уже случилось. Можно отсортировать для своих лучшее, а оставшееся - "на тебе убоже, что мне не то же". Но можно распределить ее адресно и по справедливости, а если останется, то сделать запас на будущее. Это - нелегкая, но необходимая задача, если мы действительно хотим бороться с коррупцией и рационально использовать наши природные и человеческие ресурсы.

Говоря о выводах исследования, отметим, что гипотеза о российской политической системе как чрезвычайно инерционной, подтвердилась. Она, включая ее институты и управленческий аппарат, в ходе ликвидации последствий экокатастрофы действовала в привычном для нее ключе вертикальных команд и ручного управления. Все предупреждения ученых и лидеров гражданских организаций о вероятности пожаров были проигнорированы или утонули в болоте бюрократической переписки. Существующие государственные службы (Росгидромет, Роспотребнадзор) собирают важную информацию о природных аномалиях и рисках, но они не годятся для оперативного оповещения населения на местах: такую сеть лишь придется создавать.

Подтвердилась и вторая гипотеза: гражданское общество, как его организации, так и отдельные люди, в тушении пожаров и организации помощи погорельцам опирались на виртуальную сеть (межличностную коммуникацию, блоги, ЖЖ, мобильную сеть и др.) и знания ситуации местным населением, при помощи которых они осуществили мобилизацию людских и материальных ресурсов для *адресного* решения той или иной возникающей задачи, независимо экологическая она, социальная или организационная. Действительно, экокатастрофа явилась толчком к гражданской консолидации общества в местном, национальном и глобальном масштабах. Оказалось, что далеко не все общество поражено вирусом потребительства - нашлась масса людей во всех стратах общества, способных не только сострадать, но и организовывать срочную адресную помощь на собственные средства.

Третья гипотеза подтвердилась лишь частично: в ходе тушения пожаров государственные и гражданские организации действительно взаимодействовали, однако лишь в узком спектре форм помощи и только по унифицированным инструкциям. Поэтому, как и предсказывали эоактивисты, тушение пожаров с вертолетов в ряде случаев вело к обратному результату, лишь увеличивая ареал возгорания. МЧС - мощная, но автономная организация, не ориентированная на взаимодействие с местным населением, волонтерами и добровольными пожарными. У МЧС своя система связи и оповещения, недоступная населению и его организациям. Экосистемный и тем более бассейновый подход для нее, мягко говоря, непривычен.

Пока что модель посткатастрофной реабилитации как часть общего процесса модернизации общества исходит не из реальных нужд и процессов на местах, а из

понимания критической ситуации, сложившейся у руководства страны. Модель этой реабилитации унифицирована, ведомственные и иные барьеры не учтены. Ее общая схема такова: насущные потребности местного населения обеспечивает государство, и вопрос будет "закрыт". А все остальное, то есть длительный и многосторонний процесс, который и именуется реабилитацией, местные жители должны осуществлять сами или при помощи благотворителей и НПО. По опыту других катастроф, люди знают, что более или менее квалифицированная медицинская помощь и тем более -периодическая диспансеризация или пребывание в стационаре стоят очень дорого. Чтобы все это начать делать, нужен сводный отчет по последствиям катастрофы. Но пока его нет.

Что касается гражданского общества в целом, то почему же только кризисы и катастрофы мобилизуют его на добрые дела, восстанавливают уничтоженные рынком доверие и межличностные связи, приносят его членам ощущение личной востребованности и веры в общее благо?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заключение Общественной комиссии по расследованию причин и последствий природных пожаров в России в 2010 году. http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2010/09/14

Экология и права человека. ЕСО-НР. N 3410, 5 декабря 2009 г.

Яблоков А. В. 2010. Лесные пожары и немного радиации. <http://www.echo.msk.ru/blog/yablokov/702969-echo/>

Яницкий О. Н. 2003. Социология риска. М.: Издательство LVS.

Яницкий О. Н. 2004. Риск-солидарности: российская версия. Интер. 2004. N 2 - 3. С. 52 - 62.

Beck U. 1992. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE.

Beck U. 1995. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics in the Risk Society. New Jersey: Humanities Press.

Beck U. 1999. World Risk Society. Maiden, MA: Polity Press.

Beck U. 2010. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of

'Cosmopolitan' Risk Communities. Paper presented at the 17th World Congress of Sociology (Geteborg, Sweden, July 17, 2010).

Boyden S.S., Millar, K. Newcombe and B. O'Neill. 1981. The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong. Canberra: Australian National University Press.

Castells M. 1996. The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell Publishers, Ltd.

Castells M. 2000. 'Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. British Journal of Sociology, 51 (1). Jan/March: 5 - 24.

Diani M. 2003. Leaders or Brokers? in Social Movements and Networks (Diani M. and D. Adam, eds).

Oxford: Oxford University Press. Pp. 105 - 122.

Diani M. and D. Me Adam, eds. 2003. Social Movements and Networks. Relational Approach to Collective Action. Oxford: Oxford University Press.

Delia Porta, D. and M. Diani. 2006. Social Movements. 2nd.ed. Maiden, Mass: Blackwell.

Invin A. 2001. Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge.

Malden, MA: Polity.

Irwin A. and Wynne B., eds. 1996. *Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology.* Cambridge: Cambridge University Press.

Kaldor M., H. Anheier and M. Glasius, eds. 2003. *Global Civil Society Yearbook.* Oxford: Oxford University Press.

Keen D. 2008. *Complex Emergences.* Cambridge: Polity.

Murphy R. 1997. *Sociology and Nature. Social Action and Context.* Boulder: Westview Press.

Murphy R. 2010. *Leaders of Disasters. Learning for a Future with Global Climate Change.* Montreal: McGill-Queen's University Press.

Yanitsky O. 1999. Russian Environmental Movements, in: *Conway J.K., K. Kenniston and L. Marx.* *Earth, Air, Fire, Water. Humanistic Studies of the Environment.* Amherst: University of Massachusetts Press, Pp. 184 - 205.

Yanitsky O. 1982. Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice. *International Social Science Journal.* Vol. XXXIV. No 3. P. 469 - 480.

Yanitsky O. 2000. *Russian Greens in a Risk Society. A Structural Analysis.* Helsinki: Kikumora Publications.

Zald M.M. and J.D. McCarthy, eds. 1987. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays.* New Brunswick: Transaction books.